

Предисловие от редактора

Предлагаемая вниманию читателя книга представляет собой сборник статей по наиболее интересным направлениям работы 6-й Российской конференции по экологической психологии, которая была подготовлена и проведена при финансовой поддержке Российского научного гуманитарного фонда (грант № 12–06–14284г).

6-я Российская конференция по экологической психологии состоялась 25–26 октября 2012 г. в ФГНУ «Психологический институт» Российской академии образования (Москва). На конференцию были поданы (за вычетом отклоненных программным комитетом) и перед ее началом опубликованы 173 тезиса и статьи¹ из 33 российских и 7 зарубежных городов: Ереван (Армения), Гродно, Минск (Беларусь), София (Болгария), Алматы (Казахстан), Киев, Ужгород (Украина). Очное участие в работе конференции приняли 123 человека из следующих российских городов: Барнаул, Белгород, Владимир, Волгоград, Екатеринбург, Казань, Калуга, Курск, Москва, Набережные Челны, Нижний Новгород, Новомосковск, Пермь, Рязань, Самара, Санкт-Петербург, Саратов, Тверь, Ульяновск, Чебоксары, Чита, Ярославль, а также из Минска (Беларусь), Софии (Болгария), Киева (Украина).

При этом Москва была представлена 24 учреждениями: факультет психологии МГУ им. Ломоносова, ГБОУ ВПО МГПУ ИППО, ГБОУ СОШ № 1104, ГБОУ СОШ № 59, Департамент природопользования и охраны окружающей среды города Москвы, ИВ РАН, ИКПиПТ, Институт психологии РАН, ИСА РАН, МГГУ им. М. А. Шолохова, МГППУ,

¹ См. сборник тезисов: 6-я Российская конференция экологической психологии. Тезисы. (Москва, 25–26 октября 2012 г.) / Науч. ред. М. О. Мдивани. М.: ФГНУ «Психологический институт» РАО, 2012. Сборник также представлен на сайте www.ecopsylab.ru.

Московский государственный лингвистический университет, Московский институт открытого образования, кафедра психологии образования МПГУ, ФКУ ЦЭПП МЧС России, НИУ филиал РАНХИГС, НОУ ВПО Академия МНЭПУ, НОУ ВПО МПСУ, ООО «Андерс Телеком», Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ, Российский университет дружбы народов, ФГБНУ ВНИИТЭ, ФГНУ ИСМО РАО, ФГНУ ПИ РАО.

Заочно в работе конференции приняли участие представители из Владивостока, Вологды, Иркутска, Костромы, Кургана, Омска, Петропавловска-Камчатского, Ростова-на-Дону, Тулы, Ужгорода, Уфы, а также из Гродно (Беларусь) и Нежина (Украина).

В целом конференция состояла из 2 пленарных заседаний (11 докладов) и 5 секционных заседаний (48 докладов).

По итогам работы конференции можно сказать, что актуальность эколого-психологических исследований определяется в настоящее время по крайней мере четырьмя наиболее крупными причинами:

1) Запросом со стороны концепции устойчивого развития (Рио-1992), что включает прояснение психологических аспектов самой Концепции устойчивого развития, а также необходимость изменения представлений об экологическом сознании, экологическом и профессиональном мышлении (отход от традиционных технократических стереотипов) и экологической ответственности (в плане расширения ее экологически-этических принципов — от сохранения окружающей среды от неблагоприятных воздействий технократической цивилизации до ноосферного понимания человечеством своей ответственности за состояние планеты как глобальной экосистемы). Эти и другие вопросы приводят в конечном итоге к появлению нового направления эколого-психологических исследований — психологии устойчивого развития.

2) Психологическими аспектами экологического образования или, как теперь чаще говорят, образования в интересах устойчивого развития. С одной стороны, это предполагает дальнейшую экологизацию содержания учебных программ разного уровня, а с другой стороны — психологизацию преподавания этих эколого-ориентированных учебных программ. В том числе изменение цели и даже парадигмы такого обучения от традиционного усвоения учебного материала в соответствии с образовательным стандартом в направлении использования подобных учебных программ и учебного материала в качестве психо-

лого-педагогического средства формирования экологичности экологического сознания как необходимого условия присвоения учащимися основ экологической культуры. Экологическая культура при этом должна рассматриваться как опредмеченное в культурно-исторических способах человеческой деятельности экологическое сознание.

3) Психологическими аспектами экологии человека: от психогенного влияния экологически неблагоприятных природных и социальных условий жизнедеятельности человека и качества жизни, включая профессиональное выгорание, до взаимодействия с природной средой и другими представителями биосферы.

4) Методологическими аспектами экологической психологии: каким образом эксплицируется психика в качестве объекта и предмета эколого-психологических исследований с позиции гносеологической, онтологической и трансцендентальной парадигм. Это включает дальнейшее осмысление отношения «человек — окружающая среда» и его расширение до отношения «индивидуум — окружающая среда», а также и взаимодействий между компонентами этих отношений (т. е. экопсихологических взаимодействий) в качестве предмета исследования и в качестве теоретического инструмента для изучения разных видов психологических взаимодействий между человеком и средой, между людьми, а также между людьми и представителями других биологических видов.

5) С психологической точки зрения Концепция устойчивого развития требует, прежде всего, изменения сознания и мировоззрения человечества в направлении осознания того, что человек и планета — это разные части (проявления) единой природы и что экологическое сознание человека должно быть таким, чтобы детерминировать экологичность его мышления и поведения как в отношении к природе, так и во взаимоотношениях стран друг с другом и в отношениях людей друг к другу. Причем именно Концепция устойчивого развития дополняет экологичное отношение к природе таким же — экологичным, можно сказать, берегающим — отношением между развитыми и развивающимися странами, а также между людьми разных национальностей и вероисповеданий. Прояснение психологических аспектов Концепции устойчивого развития заставляет нас говорить о новом направлении экологической психологии — психологии устойчивого развития, а также о более активном включении в объект эколого-психологических исследований

взаимодействий человека с природной и разными видами социальной среды (образовательной, профессиональной и т. д.).

Именно эти направления определили структуру сборника и названия его разделов:

Раздел 1 — «Экологическая психология в контексте стратегии устойчивого развития» — включает статьи, посвященные разным взглядам на эколого-психологические исследования в контексте Концепции устойчивого развития (В. И. Панов), психологии устойчивого развития (Д. С. Ермаков, И. А. Шмелева), соотношения природы человека и гуманизма (М. Н. Низами), связи экологической психологии с общепсихологическими исследованиями (В. А. Мазилов).

Раздел 2 — «Психогенное воздействие экологически неблагоприятной среды на человека» — посвящен теоретическим и эмпирическим аспектам адаптации человека к экологически неблагоприятной природной среде (А. А. Суханов, Н. М. Сараева, О. С. Ширяева), отдаленным психологическим последствиям радиационной аварии (О. В. Чинкина), а также становлению экологически ориентированного образа жизни как одной из проблем современной украинской действительности (Е. В. Рудомино-Дусятская, А. Л. Верник).

Раздел 3 — «Экопсихологические аспекты образовательной среды» — включает изложение вопросов безопасности школьной образовательной среды в связи с профессиональными компетенциями педагогов (И. А. Плаксина), результатов эмпирического исследования творческого воображения и субъектности курсантов в образовательной среде военного вуза (М. В. Селезнева), анализа социально-психологического аспекта экопсихологических типов коммуникативного взаимодействия в студенческой группе (А. В. Капцов, В. И. Панов), экопсихологического содержания учебного предмета «Экология и безопасность жизнедеятельности» и подготовки учителей к ее преподаванию (В. А. Ясвин), экологических и психолого-педагогических предпосылок деятельного экологического образования (А. Н. Камнев, О. А. Камнев, В. И. Панов).

Раздел 4 — «Профессиональная среда, ее субъекты и объекты» — посвящен психологическим особенностям профессиональной среды и ее субъектов: метасистемной детерминации психологического содержания профессиональной среды (С. Л. Ленъков, Н. Е. Рубцова), психологической саморегуляции функционального состояния психологов-консультантов в напряженных условиях труда (А. С. Куз-

нецова, Т. А. Злоказова), ментальным характеристикам саморегуляции психических состояний в системе «человек—окружающая среда» (А. О. Прохоров), особенностям восприятия авиагоризонта как объекта визуальной среды пилота (П. А. Коваленко), метакогнитивным и акмеологическим характеристикам профессионального мышления в образовательном процессе (М. М. Кашапов).

В заключении дается краткая характеристика актуальности экологической психологии на настоящем этапе ее развития.

Раздел 1

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ СТРАТЕГИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

В. И. Панов

Экологическая психология в контексте экологического кризиса и Концепции устойчивого развития¹

Экологический вызов экологической психологии

Экологический вызов человечеству на современном этапе обусловлен тем, что экономически обусловленный технократический и потребительский характер развития человеческой цивилизации стал приводить к необратимым последствиям в экологическом состоянии всей планеты (В. И. Данилов-Данильян, К. С. Лосев, 2000; С. Д. Дерябо, В. А. Ясвин, 1996; В. Хесле, 1994 и др.). Поэтому одной из важнейших проблем человечества в настоящее время является предупреждение и преодоление глобального экологического кризиса. Другой альтернативы нет. Если человечество не решит эту проблему, оно рискует своим существованием.

Осознание этого привело к пониманию того, что:

- как и предсказывал В. И. Вернадский (1991), ноосфера превращается в ведущий фактор развития планеты как космического тела;
- как и десятки тысяч лет назад, перед человечеством вновь встает вопрос о сохранении себя в качестве биологического вида (*homo sapiens*) вследствие вызванных им самим нарушений экологического равновесия на планете, которые постепенно принимают необратимый характер и начинают оказывать негативное воздействие на физическое и психическое развитие человека, на его здоровье и сохранность как биологического вида;
- как показывает опыт последних десятилетий, попытки приостановить наступление глобальной экологической катастрофы только

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 11-06-00735а).

экономическими и политическими мерами отдельных групп людей и даже международными усилиями на уровне ООН пока не принесут ожидаемого успеха. Одна из причин этого заключается в том, что массовое сознание человечества имеет в своей основе антропоцентрическое и в первую очередь — потребительское отношение к миру природы, к природе самого человека и к планете в целом.

Согласно анализу, проведенному философом В. Хесле (1994), основные тенденции развития человечества в последние столетия определялись экономической парадигмой, ориентирующей сознание человека на потребительское (эксплуататорское) отношение к миру окружающей природы, к другим людям и, можно добавить, — к самому себе. «... Если потребности жителей национального социального государства начинают стихийно возрастать, тогда государство должно попытаться удовлетворить данные потребности; сделать же оно это может только там, — замечает В. Хесле, — где столкнется с наименьшим сопротивлением. А таковы, в сущности, два типа объектов: с одной стороны, природа, с другой стороны, нации, еще не выработавшие принцип социального правового государства, живущие, например, при полуфеодализме, одним словом, народы «третьего мира». В итоге эксплуатацию пытались прикрыть каким-то мнимым правом. Природа же в философии права нового времени всегда оставалась бесправной...» (В. Хесле, 1994, с. 24).

Именно господствующее влияние экономической парадигмы развития человечества обусловило технократический характер нашей цивилизации. А это, в свою очередь, привело к тому, что взаимоотношения человечества с природой и сознание человека стало формироваться по преимуществу в логике антропоцентрической направленности: всё для человека и всё во благо человека, т. е. в контексте преобразования вещных свойств и отношений окружающего мира с целью их использования для выживания и экономического благосостояния человека. И потому, как сказано, природа вплоть до XX в. оставалась бесправной, что определяло отношение к ней как к объекту эксплуатации и потребления ее ресурсов.

Как показали С. Д. Дерябо и В. А. Ясвин (1996), такая антропоцентрическая установка в сознании людей является следствием антропоцентрического типа экологического сознания, что вводит психологический аспект в анализ взаимоотношений человека с окружающей природной средой.

Исключительное значение психологического аспекта в вопросах сохранения окружающей среды четко обозначил председатель Госкомэкологии РФ В. И. Данилов-Данильян (2001, с. 9–11), отметив, что «это исключительное значение далеко не всеми осознается в полной мере. Есть очень много людей, которые считают, что проблемы охраны окружающей среды и ее сохранения в состоянии, пригодном для жизни человеческого рода, могут быть решены техническими средствами. Эта точка зрения глубоко ошибочна... То состояние кризиса, в котором находится окружающая среда на нашей планете, обусловлено неразумным, неумелым, неадекватным использованием достижений научно-технического прогресса». И далее Данилов-Данильян пишет: «Причем же здесь психология, почему я подчеркнул большое значение для работы экологов этого аспекта? Очень просто. В своем развитии человек овладел силами, позволяющими ему разрушить эту систему регулирования окружающей среды. Экологический кризис — это несоответствие между уровнем воздействия на природу и теми границами, в которых должны находиться воздействия, чтобы система жизни могла адекватно регулировать окружающую среду». Поэтому «главная работа — это не с техникой, не с изобретениями научно-технического прогресса, а над сознанием человека. Это как раз ваша область, это входит в вашу компетенцию. Поэтому я с полной ответственностью говорю, что ваше направление — одно из важнейших в работе по решению экологических задач, которые стоят перед человечеством».

Полувековой опыт по преодолению экологического кризиса показал: это невозможно сделать только техническими и политическими мерами, поскольку они осуществляются в рамках технократического способа мышления, господствующего в сознании современного человека, по крайней мере, в общественном и индивидуальном сознании людей в развитых странах. Требуется переориентация человека на осознание необходимости сохранения планеты и ее ресурсов как своей жизненной среды, потому что дело не в возросших технологических возможностях воздействия на природу, а в том, что использует их человек, оставаясь на прежнем уровне сознания — потребительского отношения к природе, к себе и к другим людям. Необходимым условием подобного изменения сознания людей является принятие в качестве руководства к действию так называемого экологического

императива. Под *экологическим императивом* понимается такое взаимодействие с природой, согласно которому «правильно и разрешено только то, что не нарушает существующее в природе экологическое равновесие» (С. Д. Дерябо, В. А. Ясвин, 1996, с. 13).

Из экологического императива следует, что преодоление экологического кризиса требует формирования такого экологического сознания у людей, такого их отношения к природе и к человеку, в основе которого лежит понимание, что человек не противостоит природе, а является ее частью, подсистемой системы «человек — природа».

Озабоченность мирового сообщества глобальными экологическими проблемами привела к тому, что в конце 1980-х гг. в качестве стратегического решения для преодоления глобального экологического кризиса Международной комиссией по окружающей среде и развитию, созданной по решению Организации Объединенных Наций, была разработана Концепция устойчивого развития (Sustainable Development). В ее основу был положен принцип такого развития мирового сообщества, которое обеспечивало бы достижение экономического и социального прогресса, а также охрану окружающей среды таким образом, чтобы удовлетворение потребностей нынешнего поколения не лишало бы этой возможности будущие поколения людей. В 1992 г. на Конференции ООН по окружающей среде и развитию, состоявшейся в Рио-де-Жанейро, была предложена программа действий по реализации этой концепции, которая одобрена представителями большинства стран мира, включая Россию (более подробно см. сайт ООН: <http://www.un.org/ru/ga/president/65/issues/sustdev.shtml>).

Несмотря на прогрессивность и актуальность появления такой концепции, нетрудно заметить, что стратегический принцип решения экономических, социальных и экологических проблем согласно этой концепции имеет в своей основе ту же антропоцентрическую позицию, которая и привела к глобальному социальному неравенству и экологическому кризису, — обеспечить удовлетворение потребностей людей!

Поэтому неудивительно, что при подведении 20-летних итогов действия Концепции устойчивого развития, получившего название «РИО+20», при всех красивых и действительно социально и экономически важных фразах, суть этих итогов можно выразить старой поговоркой: «А воз и ныне там».

Прочитую только две позиции из документов «РиО+20» ([http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N11/476/12/PDF/N1147612.pdf? OpenElement](http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N11/476/12/PDF/N1147612.pdf?OpenElement)):

«Мы признаем, что с 1992 года прогресс, достигнутый на отдельных направлениях, был незначительным и что в процессе интеграции указанных трех составляющих устойчивого развития пришлось столкнуться с трудностями, которые еще более обострились в результате финансового, экономического, продовольственного и энергетического кризисов, поставивших под угрозу достижение всеми странами, особенно развивающимися, целей в области устойчивого развития. В этой связи чрезвычайно важно, чтобы мы не свернули с избранного пути и продолжали выполнять задачи, поставленные перед нами в итоговом документе Конференции Организации Объединенных Наций по окружающей среде и развитию. ...

Мы признаем, что планета Земля и ее экосистемы — это наш дом и что выражение «мать-земля» широко распространено в ряде стран и регионов, и отмечаем, что ряд стран признают права природы в контексте поощрения устойчивого развития. Мы убеждены в том, что для обеспечения правильного баланса между экономическими, социальными и экологическими потребностями нынешнего и будущих поколений необходимо постараться достичь гармонии с природой».

С психологической точки зрения важно отметить, что поиск решения экологических проблем строится в общественном сознании с помощью той же логики, которая привела к их возникновению и, значит, в экологическом отношении уже скомпрометировала себя. Согласно этой логике, если человек своим неразумным воздействием нарушил природу (или равновесие с ней), то он же своими воздействиями на природу должен ее вновь восстановить. Поэтому возникает вопрос: где гарантия того, что человек, стараясь восстановить равновесие между собой и природой, вновь его не нарушит, но уже в другую сторону? Ведь *способ* мышления по своей сути остался тем же — человек по-прежнему *противостоит* природе как предмету своих действий и объекту своих размышлений. Даже в том случае, когда целью своих действий он имеет «сохранение природы для последующих поколений». В соответствии с таким способом мышления, в качестве логической основы для постановки и осмысления взаимоотношения между человеком и природой как проблемы экологического сознания исполь-

зуются отношения «объект (человек) — объект (природа)» и «субъект (человек) — объект (природа)».

Чтобы в результате благих намерений по сохранению природы маятник экологического кризиса не качнулся бы в другую сторону, необходимо, чтобы человек изменил свое понимание взаимоотношения между природой и человеком, т. е. изменил свой способ мышления и, соответственно, свое сознание. Однако такое возможно только в том случае, если человек обладает (по своей природе) способностью к самоизменению. Иными словами, если он является таким же носителем общеприродных закономерностей саморазвития (или самоосуществления), как и сама природа, включая планету как природное явление (форму природного бытия).

Такое понимание человека и его взаимоотношения с природой коренным образом меняет экологическую парадигму. Действительно, в этом случае человек и природа уже не противопоставляются друг другу как разделенные сущности, выраженные в виде компонентов отношений «объект — объект» или «субъект — объект». Напротив, человек исходно рассматривается как такая активно действующая, саморазвивающаяся часть природы, которая реализует в своем самоосуществлении общие (универсальные) закономерности, обеспечивающие самоосуществление природы в целом. Тогда человек как субъект уже не противопоставит природе как объекту. Напротив, он становится субъектом развития природы и себя самого как одной из ее форм (природных форм бытия).

Поэтому с психологической точки зрения корни проблемы экологического кризиса значительно глубже и серьезнее. Их следует искать в закономерностях формирования мышления и сознания человека. По природе самой психики и сознания как ее высшей формы развития, формирование сознания происходит в деятельности человека, и потому его структура и содержание обусловлены содержанием и способами деятельности как отдельного индивида, так и социальных групп или общностей людей и в конечном итоге человечества в целом.

С. Д. Дерябо, В. А. Ясвин (1996) отмечают, что, как это ни парадоксально, но в современном общественном сознании экологический кризис мыслится как нечто внешнее по отношению к человеку. Показательно, что в Стратегии сохранения природы Международного союза охраны природы такой пункт, как воспитание людей, находится

лишь на последнем седьмом месте. Между тем действенность любых мер по защите природы в конечном итоге определяется поведением людей, которые взаимодействуют с ней, их отношением к природе. Более конструктивной представляется иная позиция, утверждающая, что экологический кризис — это в значительной степени философско-идеологический и в первую очередь мировоззренческий кризис.

Более того, вопрос стоит значительно шире. Согласно В. И. Вернадскому, «Человек как он наблюдается в природе, как и все живые организмы, как и всякое живое вещество, есть определенная функция биосферы, в определенном ее пространстве — времени. Цивилизация «культурного человечества» — поскольку она является формой организации новой геологической силы, создавшейся в биосфере, — не может прерваться и уничтожиться, так как это есть большое природное явление, отвечающее исторически, вернее геологически, сложившейся организованности биосферы. Образуя ноосферу, она всеми корнями связывается с этой земной оболочкой» (В. И. Вернадский, 1991, с. 40). Это означает, что человек должен рассматриваться в роли субъекта, который в процессе самоосуществления реализует (точнее, должен реализовать) свою жизнедеятельностью универсальные (общеприродные) принципы саморазвития природы (природных форм бытия), в том числе человека и планеты в целом. Отсюда следует, что проблема сохранения природной среды, жизни на планете и самого человека не может быть решена, пока человечество не осознает, что оно одновременно является и продуктом развития природы (включая человека и Землю), и средством общеприродного процесса развития системы «человек — планета».

Под универсальными принципами в данном случае подразумеваются такие, которые являются общими для различных природных форм бытия, в том числе для планеты и для человека. Примером может служить принцип системности, который конкретизируется, например, в виде понятия «экосистема» (Н. Ф. Реймерс, 1994), принцип формопорождения (А. И. Миракян, 1999, 2004; В. И. Панов, 2004) и т. п.

Преодоление экологического кризиса требует формирования такого сознания у людей, такого отношения к природе и к человеку (т. е. к себе и к другим людям), в основе которого должно лежать осознание того, что человек не противостоит природе. Напротив, являясь субъектом реализации общих закономерностей природы, он является

ее ключевым моментом. При этом, с одной стороны, природа выступает для человека средством актуализации и развития его природных (в широком, а не только в биологическом смысле) возможностей для осуществления различных видов деятельности по преобразованию окружающего мира и самого себя. А с другой — человек, развивая свои природные качества, реализует своей деятельностью принципы становления природных форм бытия и тем самым выступает по отношению к природе средством ее саморазвития. Речь идет как о создании антропогенной среды, так и о собственном развитии человека как существа биологического, психического, социального и духовного.

Осознание и принятие человеком ответственности за развитие самого себя, планеты и природы в целом означает, что человек становится *субъектом экологического сознания*, ориентированного на сохранение экологического равновесия в экосистемах как глобального и регионального масштабов («человечество — планета»), так и локальных экосистем («популяция людей — жизненная среда региона их проживания», «индивид — его жизненная среда»).

Однако нетрудно заметить, что вопросы формирования сознания человека и использования его возможностей к саморазвитию во взаимодействии с окружающей природой — это уже сфера психологических исследований.

Поэтому одной из причин, определяющих актуальность эколого-психологических исследований в настоящее время, является социальный и научный запрос со стороны Концепции устойчивого развития. А именно, необходимость прояснения психологических аспектов этой концепции, разработки соответствующего терминологического и понятийного аппарата, а также необходимость изменения понимания представлений об экологическом сознании, экологическом и профессиональном мышлении (отход от традиционных технократических стереотипов) и экологической ответственности в плане расширения ее эколого-этических принципов от сохранения окружающей среды и неблагоприятных воздействий технократической цивилизации до ноосферного понимания человечеством своей ответственности за состояние планеты как глобальной экосистемы. Эти и другие вопросы приводят в конечном итоге к появлению нового направления эколого-психологических исследований — психологии устойчивого развития (см. ниже статьи Д. С. Ермакова и И. А. Шмелевой).

Психологические аспекты образования в интересах устойчивого развития

Учитывая полувековой опыт экологических дискуссий и исследований, а также опыт экологического просвещения и образования, следует признать, что проблемы экологического сознания и экологической ответственности — далеко не новые. Что же нового привносит в эти проблемы появление Концепции устойчивого развития?

Как утверждается в одном из документов по реализации Концепции устойчивого развития, «Повестке XXI века», образование является важнейшим инструментом устойчивого развития. Только с помощью образования человек и общество могут в полной мере раскрыть свой потенциал. Оно является незаменимым фактором для изменения подходов людей с тем, чтобы они имели возможность оценивать и решать стоящие перед ними проблемы, для формирования ценностей, навыков и поощрения поведения, совместимого со стратегией устойчивого развития (http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21.shtml).

57-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН объявила десятилетие 2005–2014 гг. Декадой образования в интересах устойчивого развития ООН. В 2005 г. Европейская экономическая комиссия ООН приняла Стратегию в области образования в интересах устойчивого развития, суть которой состоит в том, чтобы перейти от простой передачи знаний и навыков, необходимых для существования в современном обществе, к готовности действовать и жить в быстро меняющихся условиях, участвовать в планировании социального развития, учиться предвидеть последствия предпринимаемых действий, в том числе и возможные последствия в сфере устойчивости природных экосистем и социальных структур.

Все эти вопросы требуют психологического анализа того, чем должно отличаться образование в целях устойчивого развития от традиционного экологического образования и просвещения. Это отличие задается, в частности, тем, что Концепция устойчивого развития ставит вопросы охраны окружающей среды в значительно более широком аспекте, чем только представления об экологическом благополучии окружающей среды для человека. А именно — в контексте социального и экономического благополучия всего человечества, что предпо-

лагает изменение отношения не только к природной среде, но отношения к другим людям и условиям их проживания, причем к людям, живущим в разных частях планеты. Это означает изменение психологии людей, принимающих и реализующих решения в социальной, экономической и экологической сферах мирового сообщества.

Поэтому отличие образования в интересах устойчивого развития от традиционного экологического образования должно заключаться, прежде всего, в целях такого образования. Для традиционного экологического образования основная цель заключалась в получении и распространении экологических знаний и формировании экологической культуры. И потому исходным для построения такого образования выступали и продолжают выступать экологические знания, умения и навыки. В то время как образование в интересах устойчивого развития должно иметь основной целью развитие способностей людей к сотрудничеству с природой и с другими людьми на разных уровнях и в разных видах социальных, экономических и экологических взаимодействий. При этом экологические знания, умения и навыки выступают не в качестве объекта усвоения, а в качестве психолого-педагогического средства развития этих способностей. И в первую очередь способностей к равноправному взаимодействию с другими, что, понятно, требует использования психологических знаний о развитии коммуникативных способностей к такого рода взаимодействиям с другими людьми, с другими живыми существами и с природной средой в целом, которые позволяли бы образовывать с ним совокупного субъекта (полисубъекта) совместной жизнедеятельности. Наши исследования экопсихологических взаимодействий в системах «индивид — окружающая среда» позволили выделить шесть базовых типов экопсихологических взаимодействий, из которых только три могут обеспечить выполнение данного условия: субъект-порождающий, субъект-совместный и при определенных условиях субъект-объектный (В. И. Панов, 2004, 2007; В. И. Панов, А. В. Никольская, 2011; Экпсихологические исследования 2009; Экпсихологические исследования-2, 2011).

Следующее отличие заключается в том, что образование в интересах устойчивого развития должно сформировать способность людей к осознанию необходимости удовлетворения не только своих потребностей и потребностей своих близких, но и потребностей других,

причем не только людей, но и представителей других биологических видов, населяющих планету. В противном случае, о каком экологическом равновесии можно говорить в масштабах планеты как глобальной экосистемы? А это, в свою очередь, требует развития способности к другому мироощущению, к ощущению природного единства и с другими людьми, и с другими живыми существами, а в конечном итоге — с природой в целом. Задача, как я полагаю, невыполнимая в ближайшие десятилетия, но тем не менее без решения которой говорить о стратегическом успехе Концепции устойчивого развития очевидно нельзя. Однако, как и в предыдущем случае, это ставит нас перед необходимостью использовать экопсихологические взаимодействия не только в качестве предмета исследования, но и в качестве инструмента для такого расширения экологического сознания, которое позволило бы людям образовать с планетой совокупного глобального субъекта совместного развития человечества и планеты.

Еще одно отличие образования в интересах устойчивого развития заключается в том, что оно должно создавать условия для формирования у людей способности быть субъектами экологической ответственности как в бытовой, так и в профессиональной жизни.

Все эти позиции возвращают нас к пониманию того, что целью образования в интересах устойчивого развития должно быть создание условий для развития экологичности мышления и самого экологического сознания.

Действительно, одним из основных итогов реализации Концепции устойчивого развития можно считать подтверждение того, что ведущую роль в решении и, самое главное, в предотвращении экологических проблем играет мышление и сознание людей, принимающих и реализующих подобные решения. В связи с этим в очередной раз встает проблема экологического сознания как фактора, детерминирующего экологичность мышления и поведения профессионалов в экологически проблемных ситуациях, а также условий и методов формирования у них «экологичного» экологического сознания. Учитывая опыт последних трех-четырех десятилетий обсуждения этой проблемы философами, социологами, экологами, педагогами и психологами, следует признать, что она далеко не нова. Что же привносит нового в проблему экологического сознания появление концепции образования для устойчивого развития?

Во-первых, возникает вопрос: какими особенностями должно обладать **мышление специалиста** (от рабочего до бизнесмена и политического деятеля), чтобы его действия и решения в ситуациях экологического риска работали бы в контексте Концепции устойчивого развития? Дело в том, что уже сейчас примерно 60 % населения России проживает на экологически неблагоприятных территориях. Попытки решить эту проблему на федеральном уровне, по сути, ограничиваются их обсуждением в рамках Общественной палаты и принятием каких-то «экологически правильных» постановлений на парламентских слушаниях, но воз и ныне там. Так, вдруг обнаруживается, что печально знаменитый целлюлозно-бумажный комбинат на Байкале опять заработал, несмотря на все «экологически правильные» решения на государственном уровне. Другой пример. Последнее десятилетие ознаменовалось тем, что даже некоторые российские олигархи поняли рентабельность экологического переоборудования экологически загрязняющих производств. Действительно, одним из факторов, препятствующих вхождению российской экономики в мировую экономическую систему, является низкий рейтинг российских предприятий по экологическим показателям. Однако уже имеется опыт, когда предприятие устанавливает «экологичное» оборудование, но у менеджерских и рабочих кадров отсутствуют экологическое мышление и экологическая мотивация, необходимые для эффективного выполнения экологических требований работы на таком оборудовании.

Во-вторых, уже неоднократно перед разной экологически заинтересованной аудиторией мы ставим один и тот же вопрос: почему, обозначив ту или иную экологическую проблему и необходимость ее решения, мы не анализируем **тот способ мышления**, технологическое воплощение которого стало причиной возникновения данной экологической проблемы? Более того, почему мы надеемся, что применение **того же**, экологически уже скомпрометировавшего себя способа мышления, не станет причиной для возникновения новой, быть может, более опасной экологической проблемы? Ведь способ мышления как причина возникновения экологических проблем остался тем же?! Подчеркиваю, речь идет не о способах решения частных экологических проблем, а о способе мышления, который по своей сущности может предложить только определенный диапазон решений. Кстати, на прошлогодней международной конференции «Экологические

проблемы глобального мира» неожиданно прозвучало подтверждение этой мысли. Один из ведущих специалистов по ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы признал, что если бы сам Чернобыль и прилегающую к нему зону ограничили бы территориально и оставили бы на «естественный ход» событий по самоликвидации последствий этой катастрофы, то природа бы в итоге привела к тем же результатам, которые мы имеем на сегодняшний день. При этом он сослался на слова своего учителя, к которым в свое время не прислушались и которые звучали примерно так: «Не лезьте вы туда со своими ликвидационными мероприятиями, оставьте всё как есть, потому что природа возьмет свое: только дайте ей время и не мешайте ей».

Как ни грустно признавать, это означает, что усилия почти миллиона людей и миллиардные финансовые затраты по ликвидации чернобыльской катастрофы были потрачены почти впустую. И причина в том, что мы еще не обладаем знаниями по естественному ходу постразвития (ликвидации и самоликвидации) последствий подобных катастроф. Итак, следующая проблема: каким должно быть мышление (способ мышления), чтобы оно было адекватно стратегическим и тактическим целям, поставленным в Концепции устойчивого развития? Пока понятно только одно, что мышление, построенное на гносеологическом отношении «субъект (человек) — объект (природа)», воленс-ноленс вычленяет человека из мира природы как самостоятельную сущность. В результате человек противопоставляется миру природы, хотя онтологически (по своей природе) он является частью и продуктом биосферного развития мира природы. Именно это противопоставление человека его природным истокам эволюционного развития является, как показывают С. Д. Дерябо (1999), В. А. Ясвин (2000) и другие авторы, исходным основанием и причиной антропоцентрического типа экологического сознания, которое, в свою очередь, является психологической причиной экологического кризиса. Следовательно, альтернативным способом мышления должен быть такой способ мышления, такое ноосферное мышление, в основе которого лежит осознание человеком себя в роли глобального субъекта совместного развития с планетой и принятие на себя этой роли. А это означает, что наше мышление должно не просто учитывать «интересы» природного развития планеты, а изначально строить свои рассуждения в контексте отношения «человек как глобальный субъект раз-

вития планеты — планета как субъект природного развития», которое в реальности должно стать онтологическим субъектом (метасубъектом) совместного бытия и развития человечества и планеты.

При этом возникает необходимость пересмотра (уточнения) того, что следует понимать под **экологическим сознанием** в контексте Концепции устойчивого развития. Дело в том, что экологическое сознание до и вне концепции устойчивого развития исследовалось и исследуется как феномен социальный (социологический), как феномен психологический (предмет социальной психологии и психологии экологического сознания) и как феномен педагогический (предмет педагогической оценки и развития). Несмотря на различия в предмете указанных научных дисциплин, их объединяет в данном случае то, что при определении экологического сознания они исходят из **экологических знаний**, т. е. экологии в широком смысле ее понимания. Образно выражаясь, суть этих знаний можно сформулировать следующим образом: человек должен преобразовывать окружающую природу для своих целей, но с оглядкой на эффект экологического бумеранга — а вдруг эта «природа начнет мстить» человеку. Это означает, что проблема экологичности экологического сознания ставилась и до сих пор чаще всего ставится в контексте оппозиции «экологично — неэкологично».

Действительно, несмотря на различные подходы и определения экологического сознания, наиболее существенным в этом вопросе выступает поляризация экологического сознания на антропоцентрический и эоцентрический типы. Как показано в исследованиях С. Д. Дерябо и В. А. Ясвина (1996, 1999, 2000 и др.), главной особенностью антропоцентрического сознания является приоритет прагматических интересов человека в его взаимодействии с миром природы над собственными закономерностями развития природных экосистем. В отличие от этого, для эоцентрического типа сознания характерен приоритет эколого-ориентированного отношения к миру природы и коэволюционного взаимодействия с ней. Между тем реальное (актуальное) экологическое сознание включает в себя как антропоцентрические, так и эоцентрические компоненты. Причем акцент на тех или других часто зависит от конкретной ситуации экологического риска, требующего принятия того или иного решения. В связи с чем встает проблема эмпирического изучения тех компонентов индивидуального и группового сознания, которые обуславливают экологичность

поведения индивида в конфликтных ситуациях экологического риска, когда в конфликт входят противоположные друг другу экологические решения.

Литература

Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. — М.: Наука, 1991.

Данилов-Данильян В. И. Экологический вызов и устойчивое развитие. Учебное пособие / В. И. Данилов-Данильян, К. С. Лосев. — М.: Прогресс-Традиция, 2000.

Данилов-Данильян В. И. О психологических аспектах охраны окружающей среды // 2-я Российская конференция по экологической психологии. Материалы. (Москва, 12–14 апреля 2000 г.) / Под ред. В. И. Панова. М. — Самара: Изд-во МГППИ, 2001. С. 9–11.

Дерябо С. Д. Экологическая педагогика и психология / С. Д. Дерябо, В. А. Ясвин. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.

Ермаков Д. С. Проблемы психологии устойчивого развития // 6-я Российская конференция по экологической психологии. Тезисы. (Москва, 25–26 октября 2012 г.) / Науч. ред. М. О. Мдивани. — М.: ФГНУ «Психологический институт» РАО, 2012. С. 138–140.

Миракян А. И. Контурсы трансцендентальной психологии. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», кн. 1–1999; кн. 2–2004.

Панов В. И. Экологическая психология: опыт построения методологии. — М.: Наука, 2004.

Панов В. И. Психодидактика образовательных систем: теория и практика. — СПб.: Питер, 2007.

Панов В. И. Экологическая ответственность в контексте разных смыслов понятия «Природа» // Росс. научн. журн., 2009, № 6 (13). С. 267–278.

Панов В. И. Взаимодействия в малой группе: экопсихологический подход / В. И. Панов, А. В. Никольская // Малая группа как объект и субъект психологического влияния: материалы Всерос. науч. конф. (с междунар. участием). Курск, 21–22 октября 2011 г. Ч.1 / под общ. ред. А. С. Чернышева; Курск. Гос.ун-т. — Курск, 2011. С. 83–99.

Панов В. И. Понятие о «психологическом статусе» населения региона экологического неблагополучия (на материале детского населе-

ния Забайкальского края) / В. И. Панов, Н. М. Сараева // Росс. научн. журн, 2010, № 6. С.100–111.

Хесле В. Философия и экология. — М.: Ками, 1994.

Экопсихологические исследования. Сб. материалов 5-й российской конференции по экологической психологии (Москва, 26–27 марта 2008 г.) / Под ред. В. И. Панова. — М.: Психолог. ин-т РАО, 2009.

Экопсихологические исследования—2: к 15-летию лаборатории экопсихологии развития. Монографический сборник / Под ред. В. И. Панова. М.: УРАО «Психолог. ин-т»; СПб.: Нестор-История, 2011.

<http://www.un.org/ru/ga/president/65/issues/sustdev.shtml> [Электронный ресурс. Дата доступа 15.10.2012].

<http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N11/476/12/PDF/N1147612.pdf?OpenElement> [Электронный ресурс. Дата доступа 15.10.2012].

Д. С. Ермаков

Проблемы психологии устойчивого развития¹

В июне 2012 г. в Рио-де-Жанейро состоялась очередная (четвертая) всемирная конференция ООН, посвященная устойчивому развитию («Рио+20»). В декларации конференции «Будущее, которого мы хотим» (The future we want, 2012) главы государств и правительств признают необходимость дальнейшего продвижения идей устойчивого развития на всех уровнях, учета взаимосвязи и интеграции его экономической, социальной и экологической составляющих. Искоренение нищеты, отказ от неустойчивых в пользу устойчивых структур потребления и производства, охрана и рациональное использование природных ресурсов являются главными задачами и важнейшими предпосылками устойчивого развития. Также подтверждается необходимость создания более широких возможностей для всех, сокращения неравенства, повышения базовых стандартов жизни, поощрения справедливого социального

¹ Статья подготовлена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых МД-739.2011.6.

развития, интеграции и пропаганды комплексных и устойчивых методов управления природными ресурсами и экосистемами, которые согласуются, в частности, с целями экономического, социального и человеческого развития и одновременно способствуют сохранению экосистем, их регенерации и полному восстановлению, повышению устойчивости перед лицом новых и будущих вызовов.

Признаётся, что устойчивое развитие ориентировано прежде всего на человека. Вновь заявляется о важности обеспечения свободы, мира и безопасности, соблюдения всех прав человека, в том числе права на развитие и права на достойный уровень жизни, включая право на питание; принципов верховенства закона, гендерного равенства, расширения прав и возможностей женщин и демонстрации общей приверженности построению ориентированного на развитие справедливого и демократического общества.

В целом приведенные положения свидетельствуют о приверженности принципам устойчивого развития, провозглашенным 20 лет назад:

1. Забота о людях занимает центральное место в усилиях по обеспечению устойчивого развития. Они имеют право на здоровую и плодотворную жизнь в гармонии с природой. <...>

3. Право на развитие должно быть реализовано, чтобы обеспечить справедливое удовлетворение потребностей нынешнего и будущих поколений в областях развития и окружающей среды. <...>

8. Для достижения устойчивого развития и более высокого качества жизни для всех людей государства должны ограничить и ликвидировать нежизнеспособные модели производства и потребления и поощрять соответствующую демографическую политику. <...>

10. Экологические вопросы решаются наиболее эффективным образом при участии всех заинтересованных граждан — на соответствующем уровне. <...>

15. В целях защиты окружающей среды государства в соответствии со своими возможностями широко применяют принцип принятия мер предосторожности. В тех случаях, когда существует угроза серьезного или необратимого ущерба, отсутствие полной научной уверенности не используется в качестве причины для отсрочки принятия экономически эффективных мер по предупреждению ухудшения состояния окружающей среды. <...>

20. Женщины играют жизненно важную роль в рациональном использовании окружающей среды и развитии. Поэтому их всестороннее участие необходимо для достижения устойчивого развития.

21. Следует мобилизовать творческие силы, идеалы и мужество молодежи мира в целях формирования глобального партнерства, с тем чтобы достичь устойчивого развития и обеспечить лучшее будущее для всех.

22. Коренное население и его общины, а также другие местные общины призваны играть жизненно важную роль в рациональном использовании и улучшении окружающей среды в силу их знаний и традиционной практики. Государства должны признавать и должным образом поддерживать их самобытность, культуру и интересы и обеспечивать их эффективное участие в достижении устойчивого развития. <...>

25. Мир, развитие и охрана окружающей среды взаимосвязаны и неразделимы (Rio Declaration on Environment and Development, 1993).

Однако, по мнению экспертов, воз и ныне там.

Несмотря на то, что Декларация «Рио+20» получила противоречивые оценки (вплоть до «предательства будущих поколений» (Декларация саммита «Рио+20», 2012)), предоставление людям возможности влиять собственную жизнь и будущее, участвовать в принятии решений и выражать свое мнение, безусловно, имеет основополагающее значение для обеспечения устойчивого развития. Нельзя не согласиться тем, что «устойчивое развитие требует конкретных и безотлагательных действий. Его можно обеспечить, только заручившись широкой поддержкой народов, правительств, гражданского общества и частного сектора, совместно работающих над построением будущего, которого мы хотим для нынешнего и последующих поколений» (The future we want, 2012).

Каковы в этом отношении возможности психологической науки и практики?

Обращаясь к эмпирическим данным, которые были получены в ходе анкетирования участников тематических семинаров «Устойчивое развитие и образование», проведенных в 2011–2012 гг. в Архангельской, Калининградской, Челябинской обл., Пермском крае, Ханты-Мансийском автономном округе — Югре, Москве (всего 179 чел., в том числе педагогические работники образовательных учреждений (общего, профессионального и дополнительного образования) — 71,0%;

руководители / заместители руководителей образовательных учреждений — 8,9%; специалисты необразовательных, общественных, благотворительных организаций — 4,5%; иное / не указано — 15,6%), можно сделать вывод, что устойчивое развитие — пока лишь идеал. В целом, если средняя оценка степени привлекательности устойчивого развития составляет (по 5-балльной шкале) — 4,5, то степень удовлетворенности устойчивым развитием (когда оно будет достигнуто) — 3,9, а степень достижимости устойчивого развития оценивается на уровне 2,9 балла.

Интересен образ устойчивого развития, определенный с помощью семантического дифференциала (см. табл.)

Образ устойчивого развития

	–	среднее	+	
Бедность	-1,6	1,0	1,9	Богатство
Опасность	-1,6	1,5	2,2	Безопасность
Безответственность	-1,6	2,0	2,5	Ответственность
Мобильность	-2,2	1,3	2,3	Стабильность
Эгоизм	-2,1	0,9	1,9	Альтруизм
Зависимость	-1,8	0,8	1,9	Независимость
Однообразие	-1,3	1,5	2,1	Разнообразие
Раздражительность	-1,5	1,4	2,1	Спокойствие
Несправедливость	-1,5	1,3	2,2	Справедливость
Авторитаризм	-1,6	1,0	2,1	Демократизм
Расточительность	-1,5	2,1	2,6	Бережливость
Неискренность	-1,7	1,5	2,2	Честность
Традиционность	-1,9	1,7	2,5	Инновационность
Неблагополучие	-1,4	1,9	2,4	Благополучие
Бесполезность	-1,3	2,2	2,5	Полезность

0 — характеристика не выражена, 3 — характеристика выражена в полной мере.

Полученные характеристики устойчивого развития весьма противоречивы. Зачастую высокие значения на положительном полюсе (например, безопасность — 2,2; стабильность — 2,3; честность — 2,2) компенсируются оценками иной полярности (соответственно: опасность — 1,6; мобильность — 2,2; неискренность — 1,7). В итоге выраженных доминант (в среднем > 1,5 балла) довольно мало: ответственность — 2,0; бережливость — 2,1; инновационность — 1,7; благополучие — 1,9. При этом нет полной уверенности, принесет ли устойчивое развитие богатство, независимость, спокойствие, справедливость, демократизм или напротив, усилит бедность, зависимость, раздражительность, авторитаризм. На этом общем фоне выделяется одна характеристика — полезность, имеющая высокий положительный (2,5) и максимальный (2,2) средний балл, что свидетельствует о прагматичности человеческих чаяний об устойчивом развитии.

Действительно, сложно представить, что на пути решения экологических проблем люди способны добровольно ограничить свое экономическое благосостояние или отказаться от социальных интересов. Для этого необходима экологизация сознания граждан, экологизация различных видов социальной и хозяйственно-экономической деятельности, предусматривающая решение ряда психологических проблем.

Первая проблема — каковы возможные **методологические и психологические основания подобной экологизации**? Как было показано ранее (Д. С. Ермаков, 2011), в современной (по меньшей мере, российской) экологической психологии можно выделить несколько концептов.

1) Концепт «природа». Экологическая психология — психология отношения к природе (В. А. Ясвин, 2000), природоориентированной деятельности (А. В. Гагарин, 2004). Отношение — базовая категория, характеризующая специфику экологического сознания личности.

2) Концепт «среда». Экологическая психология — психология взаимодействия со средой (обитания, жизнедеятельности, производственной, образовательной и пр.). Среда — фактор повышения качества жизни, комфортности (Л. В. Смолова, 2008; Е. А. Соловьева, 2006; Х. Э. Штейнбах, В. И. Еленский, 2004).

3) Концепт «развитие». Экологическая психология — психология совместного субъекта «человек — природа», реализующего в своем становлении общеприродные принципы развития и тем самым способного к саморазвитию (В. И. Панов, 2004).

Очевидно, генетически взаимосвязан с концептом «развитие» концепт «устойчивое развитие». Тогда экологическая психология — средство изучения, проектирования и реализации образа жизнедеятельности, обеспечивающего повышение качества жизни в пределах естественной емкости природных экосистем.

Каждый из указанных подходов может внести свой вклад в реализацию устойчивого развития (В. И. Панов, 2006). В первом случае, если природа традиционно понимается как объект изучения естественных наук, обособленный от человека, практическая реализация устойчивого развития требует накопления междисциплинарных научных знаний о закономерностях развития живой и неживой природы и исходит из прагматической установки: в какой мере человечество может нарушить эти закономерности, чтобы не навредить себе в настоящем и будущем. Второй (средовой) подход позволяет рассматривать природу (от локальной экосистемы до биосферы в целом) как среду обитания человека и человечества, которые (как подсистема) должны подчиняться экологическим закономерностям, не нарушая экологического равновесия (этическая установка — «экологический императив» коэволюционного развития). В рамках третьего подхода установки устойчивого развития носят онтологический характер, поскольку природа рассматривается как трансцендентальное основание становления, саморазвития любых форм бытия. То есть система «человек — природа» выступает как целостный, совместный субъект, реализующий в своем становлении общеприродные принципы развития и тем самым способный к устойчивому саморазвитию.

Именно онтологическая парадигма представляется действенной в плане *определения субъекта устойчивого развития*. В настоящее время данная проблема является весьма актуальной. Устойчивое развитие как цивилизационная концепция имеет пока лишь политических субъектов. Однако для ее реализации, для превращения из политической декларации в жизненную практику необходимы субъекты и социальные (социально-психологические). В этом плане выход на авансцену социоприродной истории совместного субъекта «человек — природа» (аналогично таким коллективным субъектам, как семья, команда, этнос) представляется весьма актуальным, поскольку у человечества в целом и у каждого человека в отдельности не может быть иного будущего, иной перспективы и цели развития, кроме как совместно с природой.

Важно еще раз отметить, что переход от гносеологической парадигмы к онтологической связан с кардинальной сменой системы ценностей. «Онтологическое» признание ценности бытия, жизни, характерное для эпохи постмодернизма (С. И. Трунёв, 2008), актуализировало проблему обесценивания аксиологических оснований, унаследованных современной европейской культурой от эпохи Просвещения и связанных, прежде всего, с познанием. При этом зачастую ценность жизни превращается в самоценность собственной жизни, вступая при этом в конфликт с жизнью других существ и природы в целом. В попытке решения этой проблемы А. Швейцер выдвинул тезис о благоговении перед жизнью (А. Швейцер, 1992), однако на сегодняшний день это лишь идеал.

Очевидно, в целях устойчивого развития необходима существенная трансформация ценностей, которые помогут людям определять свои цели, выстроить отношения, получить основу для оценки действий отдельных лиц, организаций и сообществ (А. А. Leiserowitz, R. W. Kates, Т. М., 2006). Как показывают результаты эмпирических исследований, в качестве таких ориентиров могут выступать предложенные Организацией Объединенных Наций в Декларации тысячелетия (United Nations Millennium Declaration, 2000) фундаментальные ценности XXI века: свобода (жить своей жизнью, растить детей в достойных условиях, демократическое управление); равенство (людей, стран, женщин и мужчин); солидарность (социальная справедливость, взаимопомощь); толерантность (уважение друг к другу; многообразие вероисповеданий, культур и языков как ценнейшее достояние человечества; культура мира и диалог между всеми цивилизациями); уважение к природе (осмотрительность в управлении живыми организмами и природными ресурсами в соответствии с принципами устойчивого развития, изменение неустойчивых моделей производства и потребления в интересах нашего благосостояния и благополучия потомков); общая ответственность (разделение обязанностей по управлению глобальным развитием между всеми народами мира на многосторонней основе). Однако, несмотря на принципиальную важность, мало что известно о природе данных ценностей, в какой степени они способствуют устойчивому развитию (более того — устойчивости и развитию по отдельности либо вместе), обуславливают принятие решений, присутствуют ли в сознании в простой дихотомической форме

(«за» или «против»), не вступают ли в конфликт друг с другом и пр. (D. A. Shepherd, V. Kuskova, H. Patzelt, 2009).

Тесно связан с проблемой субъекта *вопрос о подготовке лидеров для устойчивого развития*, выступающих в роли катализаторов данного процесса. Реализацию устойчивого развития инициируют, возглавляют и осуществляют конкретные люди. Они могут быть представителями администрации, органов местного самоуправления, бизнеса, системы образования, здравоохранения, СМИ, общественных организаций и т. п. Их деятельность очень различна, но всех объединяет то, что, действуя в интересах устойчивого развития, они выходят за рамки собственных интересов, интересов своих компаний, организаций. Их приоритетом становится интерес местного сообщества, города, страны, мира в целом, для будущего которых они работают (С. А. Черникова, 2011).

Третья проблема психологии устойчивого развития — *проблема времени*. Вне человеческого времени — вне смены поколений и вне видения себя в ряду поколений — не удастся прийти к пониманию временной протяженности проблем окружающей среды и развития. Не зная прошлого, мы не представляем себя из будущего.

Между тем, как показал М. Хайдеггер, обретение «Я», освоение поля личной ответственности в отношении социальной и природной среды как современников, так и потомков возможно лишь на основе взаимопроникновения трех модусов — прошлого, настоящего и будущего. Это взаимопроникновение установимо лишь на основе сознания четвертого модуса — модуса вечности. Термин, в прошлом однозначно трактуемый как религиозный, на самом деле является вполне научным по своему объективному содержанию и означает вневременной характер абсолютных ценностей и истин, логически непротиворечивых и составляющих основы бытия (Д. Н. Кавтарадзе, А. А. Брудный, 1993).

Не менее важное значение имеет и экологическое время, определяемое цикличностью, периодичностью и скоростью протекания процессов взаимодействия между компонентами окружающей среды. Экологическое время может существенно отличаться от хронологического, календарного. Очевидно, можно говорить и о социальном, и об экономическом времени, сочетание которых необходимо рассматривать, проектируя устойчивое развитие, поскольку данное сочетание определяет будущее.

Четвертая проблема, связанная с необходимостью изменения структур производства и потребления, — *психология потребностей* как источников человеческой мотивации. Традиционное понимание потребности как нужды в чем-либо базируется на «онтологии изолированного индивида» (И. С. Кон, 1989). Суть этого подхода заключается в том, что традиционное гносеологическое противопоставление субъекта и объекта эксплицитно отождествляет человека с его сознанием. Тем самым человек изымается из бытия, из объективной действительности, и ставится как бы вне этой действительности (С. Л. Рубинштейн, 1998). В результате возникает «ситуация, включающая, с одной стороны, отдельное, изолированное от мира существо, а с другой — объекты, точнее вещи, существующие «в себе»... И субъект, и объект мыслятся изначально существующими и определенными до и вне какой бы то ни было практической связи между ними, как самостоятельные сущности. Деятельность, которая практически свяжет субъект и объект, еще только предстоит» (Ф. Е. Василюк, 1984, с. 83).

В альтернативной онтологии жизненного мира, преодолевающей отчуждение бытия от человека, понятие деятельности является промежуточным звеном между понятием потребности и понятием отношений с миром или жизненных отношений (Д. А. Леонтьев, 1990). Вся совокупность жизненных отношений субъекта составляет потенциальную сторону его жизнедеятельности; актуальная сторона образуется совокупностью деятельностей, в которых жизненные отношения находят свою реализацию. В связи с этим потребность можно определить как объективное отношение между субъектом и миром, требующее для своей реализации активности субъекта в форме его деятельности. Отсутствие требуемой активности будет неблагоприятным для сохранения существования и развития субъекта.

В таком понимании потребность предстает не как негативная характеристика индивида, определяемая через отсутствие, нужду в чем-либо, которую нужно удовлетворить, а как позитивная характеристика, отражающая присутствие определенной формы взаимодействия с миром, определенной формы деятельности, и складывающаяся между человеком и миром, в котором он живет, в процессе их взаимодействия. При этом необходимыми следует считать те формы отношений с миром, которые требуются для сохранения и развития человечества как родовой общности (Д. А. Леонтьев, 1992).

Пятая проблема — *распространение идей устойчивого развития в общественном сознании*. Будет ли данная концепция жизнеспособной? Нужно ли нам принимать меры к активной интервенции в собственное будущее, либо осторожно оставить всё, как есть? Оригинальные ответы на поставленные вопросы может предложить теория меметической эволюции, рассматривающая конкуренцию и естественный отбор социальных и технических идей — мемов (J. Z. Langrish, 2004).

Мем — единица репликации культурной информации (Р. Докинз, 1993). Мемы можно рассматривать как идеи, которые могут быть усвоены человеком и переданы другим людям, то есть реплицированы. Процесс реализации идеи требует времени и ресурсов, поэтому между мемами происходит конкурентный отбор.

Различают три разновидности мемов: рецепемы — идеи о том, как делать вещи; селектеры — идеи о том, что мы хотим сделать; экспланемы отвечают на вопрос, почему то или иное новшество работает лучше (J. Langrish, 1999). Для того чтобы устойчивое развитие оказалось жизнеспособным, эта идея должна внедряться в виде меметического комплекса (мемплекса). В настоящее время селектеры устойчивого развития, призывающие к трансформации традиционного образа жизни, превалируют над рецепемами; экспланемы же (научные концепции, объясняющие сущность устойчивого развития как культурной инновации) практически отсутствуют.

Определяя исследовательские и практические приоритеты психологии устойчивого развития, следует отметить, что в значительной степени она призвана определить перспективы эволюции человеческого сознания. В естественных науках существуют, как минимум, две точки зрения на этот счет (Г. А. Заварзин, 2012). Первая — эволюция отбора (Ч. Дарвин) с механизмами конкуренции и элиминирования (выживание «наиболее приспособленных»), делающая упор на «предложении» (свойств, качеств, продуктов и пр.) со стороны тех или иных форм жизни, а не на спросе со стороны среды обитания.

В социальных системах данная стратегия известна как рынок и распространяется чрезвычайно интенсивно. Долгое время считалось (считается и по сию пору), что рынок, основанный на частной собственности и конкуренции, является универсальным инструментом прогресса. Э. Остром (лауреат Нобелевской премии по экономике 2009 г.) развенчала широко распространенное мнение о том, что коллективное управ-

ление неэффективно и что ресурсы необходимо либо приватизировать, либо национализировать. Исследовав многочисленные примеры общественного регулирования рыболовства, пользования пастбищами, лесами, озерами и подземными водами, Э. Остром показала, что во многих случаях результаты оказываются существенно лучше (E. Ostrom, S. Wynne, L. Schroeder, 1993).

Так вот, вторая точка зрения на эволюцию, как продолжение взглядов В. И. Вернадского, исходит из того, что на Земле с самого начала могло существовать лишь некое сообщество функционально различных организмов (Г. А. Заварзин, 2012). В этом случае устойчивость экосистемы определяется не отбором из того, что предлагается, а выбором самим организмом своей экологической ниши из имеющихся возможностей на основании соответствия собственных способностей спросу со стороны среды обитания. Возникновение разнообразия есть антитонккурентный, кооперативный способ выживания.

Разрешению противоречий между эволюцией отбора (конкуренция) и выбора (кооперация) в природе может служить глобальный эволюционизм Н. Н. Моисеева, в котором иерархия пространства возможностей строится сверху вниз: в экосистеме предопределены возможности входящих в нее компонентов, однако не пути их реализации. Аналогичным образом социально-гуманитарной методологией устойчивого развития может служить экопсихология развития (В. И. Панов, 2004, 2006), рассматривающая систему «человек — природа» в качестве целостного, совместного субъекта, который реализует в своем становлении глобальные принципы развития и тем самым способен к саморазвитию.

Литература

- Василюк Ф. Е.* Психология переживания. — М.: Изд-во МГУ, 1984.
- Гагарин А. В.* Природоориентированная деятельность учащихся как условие формирования экологического сознания: дис. ... д-ра пед. наук. — М., 2004.
- Декларация саммита «Рио+20» — предательство будущих поколений (2012). — Режим доступа: <http://the-day-x.ru> (дата обращения 28.10.2012).
- Доккинз Р.* Эгоистичный ген. — М.: Мир, 1993.

Ермаков Д. С. Экологическая психология в контексте устойчивого развития // Экопсихологические исследования—2: к 15-летию лаборатории экопсихологии развития: монографический сборник. — М.: ПИ РАО; СПб.: Нестор-История, 2011. — С. 26–36.

Заварзин Г. А. Анти-Рынок в природе // Экология и жизнь. 2012. № 4. С. 18–23; № 5. С. 20–25.

Кавтарадзе Д. Н. Основы экологического мировоззрения как задача народного образования / Д. Н. Кавтарадзе, А. А. Брудный // Вестник народного образования. 1993. № 3. С. 3–25.

Кон И. С. Введение в сексологию. — М.: Медицина, 1989.

Леонтьев Д. А. Жизненный мир человека и проблема потребностей // Психологический журнал. 1992. Т. 13. № 2. С. 107–120.

Леонтьев Д. А. Человек и мир: логика жизненных отношений // Логика, психология и семиотика: аспекты взаимодействия. — К., 1990. С. 47–58.

Панов В. И. «Экологический вызов» и экологическая психология // Экологическая культура и образование: опыт России и Казахстана. — Алматы: Казак университети. 2006. С. 79–92.

Панов В. И. Экологическая психология: опыт построения методологии. — М.: Наука, 2004.

Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. — СПб.: ПитерКом, 1998.

Смолова Л. В. Введение в психологию взаимодействия с окружающей средой. — СПб.: Речь, 2008.

Соловьева Е. А. Основы средовой психологии. — СПб.: СПбГАСУ, 2006.

Трунёв С. И. Жизнь как ценность: проблемы и противоречия // Философия и общество. 2008. № 4. С. 118–125.

Черникова С. А. Лидерство для устойчивого развития // Устойчивое развитие и экологический менеджмент: учебное пособие. — СПб.: ВВМ, 2011. Ч. 2. С. 210–231.

Швейцер А. Благоговение перед жизнью. — М.: Прогресс, 1992.

Штейнбах Х. Э. Психология жизненного пространства / Х. Э. Штейнбах, В. И. Еленский. — СПб.: Речь, 2004.

Ясвин В. А. Психология отношения к природе. — М.: Смысл, 2000.

Langrish J. Different Types of Memes: Recipemes, Selectemes, and Explanemes // Journal of Memetics. 1999. № 3. — Режим доступа:

http://cfpm.org/jom-emit/1999/vol3/langrish_jz.html (дата обращения 26.10.2012).

Langrish J. Z. Darwinian design: The memetic evolution of design ideas // *Design Issues*. 2004. Vol. 20. № 4. P. 4–19.

Leiserowitz A. A. Sustainability values, attitudes, and behaviors: A review of multinational and global trends / A. A. Leiserowitz, R. W. Kates, T. M. Paris // *Annual Review of Environment & Resources*. 2006. Vol. 31. P. 413–444.

Ostrom E. Institutional Incentives and Sustainable Development: Infrastructure Policies in Perspective / E. Ostrom, S. Wynne, L. Schroeder. — Boulder: Westview Press, 1993.

Rio Declaration on Environment and Development // Report of the United Nations Conference on Environment and Development. — N. Y.: UN, 1993. P. 3–8.

Shepherd D. A. Measuring the values that underlie sustainable development: The development of a valid scale / D. A. Shepherd, V. Kuskova, H. Patzelt // *Journal of Economic Psychology*. 2009. Vol. 30. P. 246–256.

The future we want (2012) — режим доступа: <http://daccess-ods.un.org/TMP/3760305.94110489> (дата обращения 18.10.2012).

United Nations Millennium Declaration (2000) — режим доступа: <http://www.un.org/millennium/declaration/ares552e> (дата обращения 28.09.2012).

Н. М. Мамедов

Природа человека и гуманизм

В последнее время ЮНЕСКО поддерживает идею необходимости формирования *нового гуманизма*. Обоснованно считается, что современный мир нуждается в конкретных действиях по достижению этого высокого социального идеала (И. Бокова, 2010).

В широком смысле с понятием гуманизма связаны самые приятные ассоциации для человека, поэтому его часто отождествляют с признанием человеческого достоинства, любовью к человеку. Гуманизм в общем и целом означает в представлении человека высшую ценность, действие в интересах людей, их будущего.

Но почему речь идет о *новом гуманизме*?

Истоки гуманизма восходят к древним временам. Считается, что человек вырвался из животного мира благодаря осознанию необходимости табу — «не убий!» (Н. Н. Моисеев, 1998, с. 28–29). Развитие разума, зарождение основ нравственности, подавление диких первобытных инстинктов определило становление человечества.

Первые концепции гуманизма сформировались в эпоху перехода от мифологического мышления к рациональному, в эпоху становления философии. Одной из значительных концепций гуманизма считается концепция гуманизма Конфуция. Мораль, по Конфуцию, несовместима с насилием над человеком. На вопрос: «Как вы смотрите на убийство людей, лишенных принципов, во имя приближения к этим принципам?» Учитель отвечал: «Зачем, управляя государством, убивать людей? Если вы будете стремиться к добру, то и народ будет добрым» (Древнекитайская философия, 1973, т. 1, с. 161). На вопрос: «Правильно ли отвечать добром за зло?» — он говорил: «На зло отвечают справедливостью» (Там же, с. 165).

В Древней Греции Сократ обосновал известное положение о возможности предотвращения насилия путем нахождения в диалоге универсальной истины. Сократу принадлежит тезис: «Лучше терпеть несправедливость, чем причинять ее».

Экогуманистический характер носил древнеиндийский принцип ахимсы — непричинения вреда всему живому, который впоследствии стал одним из предпосылок индуизма и буддизма.

Непростой оказалась судьба гуманизма в Средние века, когда в общественном сознании доминировали установки христианства и ислама. Проповедуемая этими мировыми религиями идея о человеке как творении Бога, личностном и свободном от внешнего миропорядка существе, первоначально была ориентирована против системы ценностей рабовладения, приравнивающей человека (раба) к вещи. Христианство ведь возникло как религия рабов, угнетенных, низшего сословия. Оно победило древний мир не насилием, а силой духа и жертвенностью. Но победив и создав могущественную церковь, как известно, христианство повернуло от мученичества праведников к мучительству инквизиции (А. А. Горелов, 2008, с. 44–60).

Гуманная идея о равенстве людей в мировых религиях искажалась представлениями о первородном грехе, о потустороннем мире, о царстве вечного блаженства и царстве вечных мучений.

Несомненно, христианство и ислам в той или иной степени повлияли на развитие гуманизма. Но в целом они концентрируются не на индивидуальной личности, а на том, что выше личности, что ее превосходит и поглощает: *образе Божьем*. Ведь ни христианство, ни ислам не обещают счастья человеку в этом мире (что для гуманизма является высшей целью). Согласно этим религиозным учениям, люди получают воздаяние в соответствии со своими земными грехами и заслугами в загробном мире.

Классический гуманизм восходит к эпохе Возрождения, к антропоцентрическому мировоззрению, пришедшему на смену средневековому, теоцентрическому мировоззрению. Гуманизм стал пониматься как утверждение ценности самодостаточной личности, которая стремится к счастью, то есть к самореализации посредством преобразующей деятельности. Заметим, что классический гуманизм выводит человека из природы и ставит его над нею, как того, кто может (а значит, имеет право) ее преобразовать и устроить по своему (человеческому) образу и подобию. Это имело как позитивные, так и непредвиденные негативные последствия.

Жан-Поль Сартр писал, что когда под гуманизмом понимают теорию, которая «рассматривает человека как цель и высшую ценность», то это приводит к индивидуализму и фашизму («Сумерки богов», 1989).

Мартин Хайдеггер считал, что при гуманизме человек должен становиться «человечным ... не отпавшим от своей сущности» («Проблема человека в западной философии», 1988), и предлагал концепцию «человечного гуманизма».

В целом абсолютизация индивидуализма и потребительства в Новое время привела к торжеству агрессивно-потребительских ценностей, усилила социально-экономическое расслоение и насилие в обществе.

Для преодоления сложившейся ситуации возникали различные альтернативные, неклассические концепции гуманизма. Это, например, концепции, развиваемые либерализмом, марксизмом, экзистенциализмом.

Однако спасти замысел гуманизма может только идея ненасилия как к человеку, так и к природе. Предшествующие формы гуманизма были несовершенны, поскольку в них *ненасилие* не стало всесторонним системообразующим фактором. Вот почему возникла необходимость в формировании новой, *постнеклассической концепции гуманизма*.

Для этого есть веские основания. *Сейчас человечество способно на самом высоком международном уровне принять всестороннюю программу социально-экологических действий, начать формировать новый, подлинный гуманизм.*

XX век был веком великих научно-технических свершений и беспрецедентных человеческих трагедий. Еще в начале века казалась фантастичной сама идея использования энергии атома, раскрытия генома человека, освоения космоса. Никто не предполагал появления информационных технологий, интенсивного развития других средств коммуникации, изменивших представление о социальном пространстве и времени. Человечество сейчас находится на пути к высоким технологиям, которые еще больше изменят образ жизни и быт людей, позволят создать новые способы освоения природы.

Однако все эти эпохальные свершения человеческого интеллекта не затронули природу человека. Люди и в древние времена прибегали к насилию и убивали друг друга, и сейчас продолжают делать это, кажется, ничего не изменилось за тысячелетия.

Более того, научно-технические достижения в большинстве своем мотивируются и поддерживаются военными запросами. Две мировые войны, многочисленные региональные войны и конфликты стали драматическим лейтмотивом научно-технического прогресса. Вряд ли что-либо изменится в характере общественных отношений в ближайшее время, если люди не проснутся от беспечного сна.

В 1927 г. в связи с получением Нобелевской премии А. Бергсон писал, что в XIX в., давшем удивительный толчок развитию механических изобретений, полагали, что эти изобретения повысят моральный уровень человеческого рода. Опыт, напротив, доказал, что «... развитие технической оснащённости общества не может автоматически привести к моральному совершенствованию живущих в нем людей, а рост численности материальных средств, которыми располагает человечество, может даже представлять опасность, если он не сопровождается соответствующим духовным усилием». (А. Бергсон, 2010).

Основатель Римского клуба, итальянский ученый и общественный деятель А. Печчеи спустя почти 50 лет после А. Бергсона подчеркивал, что подлинной проблемой человеческого рода является то, что его культурное развитие отстает и не соответствует осуществляемым им же самим изменениям действительности. В результате люди оказываются

не в состоянии приспособиться к складывающемуся новому положению вещей, новым условиям. Следовательно, необходимо изменение «человеческого качества», формирование новой культуры (А. Печечи, 1980).

Конференция Организации Объединенных Наций по окружающей среде и развитию, состоявшаяся в 1992 г. в Рио-де-Жанейро, поставила перед мировым сообществом вопрос о формировании *культуры устойчивого развития*. Осознание того, что люди не просто существуют на Земле ради самих себя, а должны выполнять определенную биосферную функцию, составляет главную ось культуры устойчивого развития. Если культура как социальный феномен, творение человеческих рук всегда противопоставлялась природе, то культура устойчивого развития должна стать способом гармоничного соединения человека с природой на основе глубокого познания и понимания сущности природы.

Концепция устойчивого развития нацелена на разрешение противоречий между обществом и природой, но она предполагает также разрешение социальных противоречий, достижение взаимопонимания между людьми и между отдельными странами. *Для действительного достижения целей Концепции устойчивого развития необходимо добиться социальной гармонии, справедливости, бесконфликтного мира.* Вот почему реализация идей устойчивого развития является нетривиальной задачей и отодвигается реалиями нашего времени на отдаленную перспективу.

Организация Объединенных Наций изначально определила данную концепцию как «Повестку дня на XXI век». Судя по всему, и нашего века не хватит для ее полноценной реализации. Человечество столкнулось с фундаментальными, неоднозначными проблемами своего бытия, которые в отдельности в той или иной форме ставились и раньше великими мыслителями прошлого.

Известные социально-философские воззрения:

- 1) преимущественно рассматривают общественное развитие абстрактно, безотносительно человека, его природы;
- 2) не учитывают факторы неопределенности и самоорганизации, пронизывающие жизнедеятельность человека;
- 3) адекватно не рассматривают роль культурных факторов в историческом процессе.

Катаклизмы современного мира, социально-экономические, экологические и иные кризисы предстают в несколько ином свете, если

рассматривать их в контексте представлений о природе человека и гуманизирующей функции культуры.

В культуре представлена важнейшая способность человека и всего человеческого рода к *саморазвитию*, делающая возможным сам факт человеческой истории. Мыслители Нового времени видели в культуре главное средство *исправления природных пороков человека* и предотвращения социальных катаклизмов. Примечательны в этом плане работы Ж.-Ж. Руссо и И. Канта. Если Руссо исходил из исторического, не испорченного цивилизацией «естественного человека» для определения должных нравственных устоев общества, то Кант брал за основу реального человека, пытался нравственно оправдать, обосновать его будущее. Философское открытие Канта в данном случае заключается в том, что он увидел в культурном развитии *необходимое условие морального совершенствования человеческого рода, которое позволит в итоге достигнуть «вечного мира» между народами*. Кант особенно не обольщался скорым достижением предначертанной им великой цели. Он видел реализацию своего замысла в масштабе исторического времени и подчеркивал, что в каждый период времени весьма важны даже слабые признаки его приближения.

Человечество со времен И. Канта особенно не продвинулось в данном направлении. Агрессивность людей за два столетия не уменьшилась. Получила определенное теоретическое подтверждение (благодаря развитию генетики и психоанализа) консервативная, инерционная природа человека, его сознания (подсознания). Существует точка зрения, что сама человеческая природа, этос человека, доброта и мудрость не подвержены развитию. Прогресс происходит в знаниях, в технике, в создании предпосылок новых человеческих возможностей, но не в сущности человека (К. Ясперс, 2000). Представляется, что природа человека всё же меняется, только это происходит в течение очень длительного времени, в шкале тысячелетий. В ходе истории человек медленно, но очищается от своих естественных, животных инстинктов (З. М. Оруджев, 2009). Только до сих пор этот процесс происходил стихийно, на него лишь косвенно оказывают влияние различные структуры общественного сознания — религия, мораль, право... Настало время *целенаправленно управлять* этим судьбоносным для человечества процессом. Ведь движение общества к подлинно гуманистическому состоянию зависит от перспектив всестороннего развития человека, его нравственных качеств.

Эволюционное учение подтверждает, что мы с животными имеем общее происхождение, что и нами руководят такие же инстинкты, какие управляли нашими дочеловеческими предками. Вопрос заключается в том, *как овладеть, управлять этими инстинктами?*

Лауреат Нобелевской премии К. Лоренц подчеркивает, что опасность для современного человечества происходит не столько из его способности властвовать над физическими процессами, сколько из его неспособности разумно направлять процессы социальные, которые во многом обусловлены архаичной природой человека (К. Лоренц, 2009, с. 284–285).

Фрейд полагал, что все проявления человеческой активности (действия, мысли, чувства, стремления) подчиняются определенным законам и детерминированы мощными инстинктивными силами, в особенности половым и агрессивным инстинктами. Этот вопрос получил новое, неожиданное освещение благодаря фундаментальным работам К. Г. Юнга и представителей его школы об архетипах, коллективном подсознательном. Согласно этим работам, вдобавок к нашему непосредственному сознанию и личному бессознательному существует другая психическая система коллективной природы. *Коллективное бессознательное наследуется, а не развивается индивидуально. Система архетипов — своего рода «генетический код», программа деятельности и развития.* Таким образом, человеческий разум обладает собственной историей, и психика сохраняет много следов от предыдущих стадий своего развития.

Наши знания об инстинктах вообще и об агрессии в частности однозначно позволяют утверждать, что нельзя абстрагироваться от наличия агрессивного инстинкта в современном человеке. В условиях беспрецедентного возрастания технической мощи человечества это становится чрезвычайно опасным фактором для цивилизации.

Представляется, что способы регулирования человеческой агрессии в ближайшее время должны выйти на передний план теоретической и практической деятельности современного общества. Поразительно, что до сих пор общество целенаправленно и систематически не занимается этим вопросом. Продолжается созерцание и интерпретация следствий агрессивной деятельности людей, зачастую даже ее романтизация. Создается впечатление, что человечество смирилось со своей незавидной судьбой. Задача искоренения из жизни людей агрессии всерьез не ставится.

В обществе все противоречия должны разрешаться ненасильственным путем. Осознание необходимости переориентирования агрессии и повсеместная реализация этой глобальной программы может стать поворотным моментом в истории человечества, началом эпохи ноосферы.

Этот процесс может быть реально инициирован решением соответствующей конференции глав государств под эгидой ООН; координирующим центром в формировании новой социальной действительности может выступить ЮНЕСКО.

Формирование нового гуманизма, его реализация возможны в обозримом будущем: для этого имеются соответствующие теоретические и практические предпосылки. Суть этой программы заключается в переориентировании агрессии. Фактор понимания становится ключевым в данном случае. Понимание предстает средством преодоления культурной и временной дистанции, существующей в современном обществе.

Здесь огромное, неизведанное поле деятельности для институтов социализации. Социализация человека начинается с его рождения и продолжается на протяжении всей жизни. Она реализуется системой воспитания и образования, всеми средствами коммуникации, искусства, литературы, кинематографа. Занятия спортом, туризмом приобретают в этой связи новый, *социально гармонизирующий смысл*.

Существенное значение в этом процессе имеет взаимодействие культур. Известно, что знание культуры, менталитета другого человека содействует взаимопониманию между людьми, уменьшению вероятности социальных конфликтов. Более того, осознание своих культурных ценностей, выраженных в художественных образах, возможно при сравнении с другими культурами. Полноценно это решается посредством диалога культур, позволяющего увидеть образ своей культуры в зеркале иной ментальности.

Как ни странно, весь процесс социализации человека в современном мире носит хаотический характер, нет целостной действенной политики в данной сфере. Взвешенные, продуманные установки ЮНЕСКО по гармонизации гуманитарной, культурной жизни носят не обязывающий — рекомендательный характер.

И всё же переход к новому гуманизму — не утопия. Все великие идеи вначале казались утопическими, но со временем реализовывались, определяя логику истории. Претворение в жизнь этих идей могло длиться несколько столетий. Сейчас ситуация иная, новые идеи

оперативно распространяются по всему миру. Но одно остается неизменным: для претворения их в жизнь они должны отвечать вызовам времени и быть доступными массовому сознанию.

Литература

Бергсон А. Сознание и жизнь // А. Бергсон, Избранное. — М., 2010.

Бокова И. Новый гуманизм в XXI веке: Выступление Генерального директора ЮНЕСКО Ирины Боковой в Милане 7 сентября 2010 года — http://www.unesco.org/new/ru/unesco/about-us/who-we-are/director-general/singleview-dg/news/a_new_humanism_for_the_21st_century/.

Горелов А. А. Эволюция гуманизма (от древности до наших дней) // Гуманистические основы взаимодействия цивилизаций. — М., 2008. С. 44–60.

Древнекитайская философия. В 2 т. — М.: Мысль, 1973, Т. 1.

Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»). — М., 2009.

Оруджев З. М. Природа человека и смысл истории. — М., 2009.

Печчи А. Человеческие качества. — М., 1980.

Проблема человека в западной философии: Переводы / Сост. и послесл. П. С. Гуревича; Общ. ред. Ю.Н. Попова. — М.: Прогресс, 1988.

Сумерки богов / Сост. и общ. ред. А.А. Яковлева: Перевод. — М.: Политиздат, 1989.

Ясперс К. Смысл и назначение истории. — М., 2000.

И. А. Шмелева

Психологическое измерение политики в решении глобальных проблем окружающей среды

Сегодня в дискуссиях, касающихся настоящих и будущих трансформаций общества, преобладают две концепции: «глобализация» и «устойчивое развитие». Рассмотрение концепции устойчивого развития в контексте глобализации призвано сделать видимыми взаимоотношения между экологическими, экономическими и социокультурными измерениями систем поддержки жизнедеятельности отдельного индивидуума

и всего человечества. Следуя смыслу концепции устойчивого развития (Sustainable Development) — «удовлетворение потребностей нынешнего поколения для сохранения возможностей будущих поколений на удовлетворение своих потребностей», — население планеты постепенно приходит к пониманию того факта, что развитие человеческого сообщества на глобальном, региональном и локальном уровнях должно быть ориентировано именно на эту цель. Ключевой проблемой устойчивого развития была и остается проблема взаимодействия человеческого сообщества, каждого конкретного человека с окружающей средой, природой, с миром. В докладе ЕЭК ООН и ПРООН «От переходного периода к трансформации: устойчивое и всеобъемлющее развитие в Европе и Центральной Азии» (2012), подготовленном ко Всемирному саммиту «Рио+20», подчеркивается значимость именно социальной размерности устойчивого развития, а в качестве основной парадигмы развития принимается такая размерность как Human Dimension («Человеческое измерение»). Не случайно в итоговом документе саммита, прошедшего в Рио-де-Жанейро в июне 2012 г., подчеркивается, что социальные аспекты, такие как искоренение нищеты и безработицы, гендерное равенство, здоровье населения, внедрение устойчивых моделей потребления, переход к «зеленой экономике», являются крайне важными, а построение мира на основе справедливости было и остается ключевой целью продвижения Концепции устойчивого развития, ориентированной на человека, на региональном и международном уровнях.

Все перечисленные аспекты, по нашему убеждению, имеют и психологическую размерность. Нам представляется, что определенное разочарование результатами всемирного саммита Рио+20, высказываемое политиками, журналистами, учеными, связано именно с тем, что на уровне принятия политических решений, при разработке политических стратегий взаимодействия с локальными, региональными и глобальными проблемами окружающей среды, недостаточное внимание уделяется человеку как капиталу политики (А. И. Юрьев, 2006), экологическому сознанию (В. И. Панов, 2004; И. А. Шмелева, 2006), экологическим ценностям (И. А. Шмелева, 2009), особенностям восприятия глобальных проблем, способности принимать обоснованные решения и изменять свое поведение.

Как отмечает О. Янг (O. Young, 2007), усилия по пониманию и эффективному ответу на глобальные изменения в окружающей среде

предполагают огромный вклад со стороны социальных наук. Политикам всех уровней необходимо более глубокое понимание демографических, экономических, институциональных и технологических корней поведения, приводящих к повышению выбросов парниковых газов и разрушению экосистем, разрушению биоразнообразия и т. д. Современная ситуация, по мнению О. Янга, требует развития научного подхода к анализу социоэкологических систем, в которых влияние человеческих действий полностью интегрировано в глобальные изменения в окружающей среде.

По мнению П. Штерна (P. Stern 2004), психологическая наука и ее приложения не в полной мере используются для понимания тех изменений, которые происходят в окружающем мире и в окружающей среде. Наряду с анализом индивидуального поведения по отношению к окружающей среде, психология может разобраться в таких междисциплинарных проблемах, как создание институтов и систем поддержки экологической политики и экологического менеджмента, а также обеспечения эффективного ответа на глобальные вызовы на индивидуальном, организационном и правительственном уровнях. Здесь необходим междисциплинарный подход, в котором психологические концепции будут взаимосвязаны с концепциями экономики, социологии и политики, а также других релевантных дисциплин. Например, знания психологии были использованы для решения проблем сохранения биоразнообразия и повышения качества жизни людей (С. Saunders et al., 2006). Кроме того, начиная с 2002 г. появились исследования в рамках нового психологического направления, получившего название «Психология устойчивого развития» (см. И. А. Шмелева, 2010). Процесс взаимодействия психологии и политики в области окружающей среды, устойчивого развития имеет давнюю историю и достаточно сложен и неоднозначен как на локальном, региональном, так и на международном уровне. Некоторые закономерности, выявленные психологами, до сих пор не потеряли свою актуальность.

Известно, что до 1986 г. все программы международных исследований по глобальным изменениям окружающей среды были преимущественно естественно-научными. Начиная с 1988 г. к программам Международного совета по социальным наукам, выполнявшимся с участием ЮНЕСКО и нескольких европейских университетов, были привлечены представители политических наук, антропологии, социологии,

демографии, экономики, психологии, системных исследований, и эти программы стали междисциплинарными по своей основе. «Организация Объединенных Наций нуждается в помощи психологии» — так была озаглавлена статья Б. Мюррей в 1998 г. (B. Murrey, 1998).

Концепция устойчивого развития, появившаяся в 1986 г., рассматривается прогрессивно мыслящими учеными как своеобразный вызов социальным наукам и психологии, как концепция, которая позволяет обеспечить мотивацию людей к «кооперации с будущим». В то же время реализация концепции устойчивого развития с достаточной долей остроты поднимает вопрос о том, насколько население и политики прислушиваются к выводам и рекомендациям ученых и насколько ученые слышат мнения и запросы, исходящие со стороны политиков, со стороны общества? Несомненно, это требует расширения диапазона теоретических и эмпирических исследований, среди которых одной из ключевых становится проблема разработки системной концепции экологического сознания (В. И. Панов, 2004; И. А. Шмелева, 2011), проблема эмпирического изучения про-экологического поведения и потребительского поведения, изучения экологических ценностей различных социальных групп, в том числе представителей бизнеса, политики, власти (И. А. Шмелева, 2009). До сих пор для политиков представляют интерес поведенческие и когнитивные барьеры на пути продвижения экологической политики и стратегий устойчивого развития.

Обратимся к опыту консорциума международных проектов, реализованных под эгидой ЮНЕСКО, Университета ООН, Международного совета по науке и Международного совета по социальным наукам, объединенных программой IHDP UN в период 1991–2009 гг.

Международная исследовательская программа «Психология глобальных изменений в окружающей среде» выполнялась в рамках ООН в начале 90-х гг. XX столетия под руководством профессора из Германии К. Паулика (K. Pawlik, 1991). В последующем на ее основе была запущена постоянно действующая международная программа (IHDP) International Human Dimensions of Global Environmental Change — «Международные человеческие измерения глобальных изменений в окружающей среде».

Проект опирался на результаты междисциплинарных исследований, проводимых до 1990 г. и затрагивающих следующие вопросы: социальные аспекты использования ресурсов; восприятие и оценка

глобальных условий окружающей среды и глобальных изменений; влияние местных, национальных и интернациональных социальных, экономических и политических структур и институтов на глобальную окружающую среду; использование земель; производство и потребление энергии; воздействие на общество индустриального роста; безопасность окружающей среды и устойчивого развития. Первоначально предполагалось, что психологическая размерность глобальных изменений будет зависимой от индивидуальной или коллективной этики, индивидуальной способности разрешать конфликты (например, конфликт между общим ростом потребления и снижением потребности в самоудовлетворении), способности человека думать и действовать ответственно на межпоколенческом уровне. Результаты проекта продемонстрировали наличие дополнительных проблем социального и психологического плана, требующих специального рассмотрения (К. Pawlik, 2004; D. L. Uzzel, 2000).

Было выявлено, что сигналы глобальных изменений, например, изменений климата и их последствий в виде природных катастроф, находятся в большинстве своем за порогом человеческого восприятия и человеческой памяти. Реакция на эти изменения может быть только опосредованной через когнитивное осознание проблемы и более традиционно (вторично) — через профессиональное и общественное обсуждение проблемы. Соответственно, был сделан вывод о том, что человеческая реакция на глобальные изменения — это не результат реакции человека на психофизическом уровне, а результат социальной коммуникации. Временной интервал между человеческой деятельностью и ее заметным влиянием на изменения в окружающей среде может измеряться годами и десятилетиями, часто выходя за рамки одного поколения.

Было также обнаружено, что субъективная оценка эффективности поведения, оберегающего окружающую среду, достаточно низка, поскольку экологически ориентированное поведение каждого конкретного человека характеризуется достаточно низкой или близкой к нулевой стоимостью с монетаристской точки зрения в связи с тем, что наблюдаемый вклад на индивидуальном уровне достаточно мал. Как правило, этот вклад находится за пределами существующих систем поощрения, налогообложения или личной выгоды, т. е. возникает проблема отсроченного вознаграждения. Соответственно, на уровне

региональной политики необходима стратегия информационной поддержки, развития системы общественных и профессиональных коммуникаций, через которые возможно влиять на ситуацию.

Результаты показали, что психофизика низковероятных событий оказалась значимым фактором для понимания реакции человека на глобальные изменения в окружающей среде, поскольку субъекты систематически недооценивали относительную частоту редких событий. Эти выводы подтверждаются исследованиями Тверски и Канемана (A. Tversky & D. Kahneman, 1974) и вытекают из последствий субъективной вероятности оценки таких событий с опорой на включенный в эту оценку когнитивный механизм. Здесь и возникает психологическая проблема: когнитивные механизмы, лежащие в основе переработки человеком информации о событиях с низкой частотой (вероятностью возникновения), в основном связаны с формированием установок и определяются установками поведения. Даже если абсолютная частота случайных природных катастроф, таких как ураганы и наводнения, возрастает, как предсказывается в соответствии с глобальными изменениями климата, их относительная частота все-таки будет недооцениваться субъективно, как функция низкого абсолютного уровня их возникновения.

Исследование показало, что в ситуации глобальных изменений, а также природных и техногенных катастроф взаимодействие происходит в рамках пространственных и временных социальных дистанций между агентами и жертвами глобальных изменений. При этом механизмы непосредственного социального научения не работают, поскольку объективные и субъективные пространственные и временные расстояния между действующими лицами и жертвами лежат далеко за пределами дистанции для социального научения, взаимной идентификации и ответственности. Дистанцированность агента действия и жертвы была определена как характеристика глобальных изменений, в связи с чем повышается роль коммуникации и влияния СМИ на человеческое поведение на больших пространственных и временных расстояниях.

В качестве будущих перспективных проблем были названы следующие исследовательские задачи: оценка и оценивание естественной и искусственной (урбанистической и не урбанистической) окружающей среды; исследование поведения человека в условиях природных и техногенных катастроф и экологического риска; исследование эко-

системных воздействий и эффекта глобальных изменений на человека, его ценности, поведение, настроение и т. д. Было сделано предположение, что изменения ценностей могут иметь серьезное влияние на поведение в долгосрочной перспективе, но в большей степени в виде непрямого воздействия на политику, институты и стимулирующего воздействия на поведение. Следует, несомненно, согласиться с таким выводом, поскольку данные наших исследований показывают статистически значимые отличия в ценностных приоритетах (приоритетах экологических ценностей) в различных целевых группах и, что особенно тревожно, очень низкие значения именно для представителей целевых групп, имеющих отношение к принятию политических решений — юристов, представителей законодательного собрания, государственных служащих (И. А. Шмелева, 2006, 2009).

К концу XX столетия стало очевидным, что некоторые отрасли психологии могут внести свой вклад в решение проблем устойчивого развития, поскольку концентрируют внимание на проблемах взаимодействия человека с окружающей средой, на условиях его жизнедеятельности и поведения, рассматривая индивида и группу (социальную общность) в качестве субъектов приносимых в среду изменений.

На политическом уровне результаты рассмотренных проектов послужили основой широкомасштабных междисциплинарных исследований по программе IHDP UN — International Human Dimensions of Global Environmental Change («Человеческие измерения глобальных изменений в окружающей среде»), выполненных под эгидой ЮНЕСКО начиная с 1995 г. (IHDP, 1995). В данном этапе программы принимали участие более 100 специалистов, всего было выполнено 30 междисциплинарных исследовательских проектов. Это приоритетное исследование было инициировано группой специалистов из различных гуманитарных областей: психологии, социологии, политических наук, экономики, географии и этнологии.

С учетом высокой вероятности антропогенного характера глобальных изменений в окружающей среде, цель исследования была определена как *изучение ее социальных и поведенческих причин и эффектов*. Из этого вытекали следующие взаимосвязанные задачи: а) исследование восприятия глобальных изменений в окружающей среде и их поведенческих последствий; б) анализ политических и экономических аспектов причин глобальных проблем окружающей среды и стратегий

их решения; в) анализ и сравнение стратегий по использованию ресурсов в экологических системах третьего мира, которым грозит уничтожение; г) прикладное использование социальных и поведенческих наук для решения глобальных экологических проблем; д) кооперация и координация с представителями естественных наук, другими международными проектами и специалистами в области социальных и гуманитарных наук из стран третьего мира.

За 10 лет было выполнено 30 междисциплинарных исследовательских проектов, охвативших широкий спектр проблем, наиболее значимыми из которых нам представляются следующие:

- устойчивое развитие: изучение социальных конструктов глобальных концепций деятельности и поведения в дискурсе окружающей среды;
- защита окружающей среды как коллективное действие;
- восприятие риска окружающей среды: анализ переработки информации;
- глобальное изменение климата — конструкция паттернов восприятия в СМИ;
- восприятие и оценка проблем окружающей среды и политических предпочтений в области защиты окружающей среды;
- анализ политических и экономических аспектов причин глобальных проблем окружающей среды и стратегий их преодоления;
- определение детерминант экологического поведения на примере изучения транспортных предпочтений в регионе;
- значение переговоров и процедур посредничества для принятия решений по отношению к окружающей среде в рамках концепции устойчивости;
- анализ и сравнение стратегий по использованию ресурсов и безопасности экологических систем в странах третьего мира.

Международные проекты 1991–2000 гг. по глобальным изменениям в окружающей среде, поведенческим особенностям, глобальным установкам по отношению к окружающей среде, политическим и экономическим аспектам движения к устойчивому развитию продемонстрировали необходимость целостного, системного подхода при рассмотрении названных проблем и важную роль социальных, психологических и гуманитарных дисциплин в их решении. Эти проекты, несомненно, послужили основой для дальнейшего развития програм-